

Д.Я. Майдачевский
*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Н.Н. КОЗЬМИН КАК ИСТОРИК НАУКИ

Статья посвящена историко-научной составляющей творческого наследия сибирского историка Николая Николаевича Козьмина (1872–1938). Ключевые его работы по истории науки Сибири, разделенные интервалом в тридцать лет, анализируются с опорой на построения Б. Латура в их историко-научном приложении. В соответствии с ними следует выделять две модели и два этапа развития отношений науки и общества – «историю науки» и «историю исследований».

Ключевые слова. Н.Н. Козьмин, история науки, история исследований, Б. Латур.

D.Y. Maidachevsky
*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

N.N. KOZMIN AS HISTORIAN OF SCIENCE

Article is devoted to a historical-scientific component of the Siberian historian Nikolay Nikolaevich Kozmin's (1872–1938) heritage. His key publications on history of science of Siberia divided by an interval in thirty years are analyzed through B. Latour's ideas in their historical-scientific applied. According to these ideas is necessary to distinguish two models and two stages of relations between science and society in their development – «history of science» and «history of researches».

Keywords: N.N. Kozmin, history of science, history of researches, B. Latour.

Труды и дни Николая Николаевича Козьмина вот уже более четверти века – после периода дозированных, полных идеологических «табу» и политических «ярлыков», обращений к биографии и творческому наследию «врага народа» – выступают объектом пристального внимания и тщательного изучения любителей и знатоков сибирской истории. Хотя заключение, смерть в тюрьме и последовавшие вслед за тем долгие годы забвения оставили в руках исследователей весьма скудные свидетельства о его работе на ниве сибирской науки, благодаря публикациям этих лет состоялось возвращение Козьмина – этнографа, монголоведа и шире – востоковеда [6; 8; 12; 13]. В гораздо меньшей степени – оригинального историка, пытавшегося на рубеже XIX–XX вв. переосмыслить сложившиеся в исторической науке построения и схемы, искавшего новые пути в развитии методологии исторического знания [9]. Поскольку такой крупный ученый как Н.Н. Козьмин не мог не быть знатоком истории областей знания, в которых работал сам, и неоднократно предпринимал их историографические обзоры,

стали и они объектом самостоятельного исследовательского внимания – будь то со стороны их жанрового разнообразия [7] или предметной специфики [10].

Остается, однако, в наследии ученого и *terra incognita* – его занятия историей местной науки, вклад в предметную область, формулирующую и решающую собственные исследовательские задачи (историография, заметим, занимает особое место в истории науки, поскольку историк изучает здесь свою собственную предметную область). Даже беглое знакомство с далеко не полными библиографиями трудов ученого свидетельствует о наличии в его арсенале разнообразных жанров историко-научных исследований. Самый распространенный – научно-биографический жанр, обращение к которому обуславливалось или юбилеем, или уходом из жизни исследователя, оставившего след в науке, в равной мере служивших поводом для оценки его научных трудов в публикуемом докладе или некрологе. Публикаторская деятельность давала возможность предпослать текстам вступление, содержащее описание жизненного пути автора, значимости его вклада в науку. Юбилей же научной институции позволял подвести промежуточные итоги ее деятельности, определить вклад в развитие той или иной отрасли знания, отметить основные этапы организационной и научной эволюции, упомянуть сотрудничавших с ней исследователей.

Особняком на этом фоне – даже если не принимать в расчет разбросанные в периодических изданиях заметки или энциклопедические справки (имеется в виду, конечно же, «Сибирская советская энциклопедия», автором и редактором отделов первых томов которой Козьмин являлся) – стоят две работы. Первая – доклад «Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества», прочитанный (на тот момент Правителем дел его) Н.Н. Козьминым на торжественном общем собрании отдела 18 ноября 1901 г., в дни празднования 50-летия этой научной институции [3; 4]. Вторая – это его статья «Роль Иркутска в научных исследованиях Сибири», опубликованная (да и то не полностью, оставляя за рамками советский период) уже в наши дни, более чем через семьдесят лет после ее написания историком [5]¹.

Особость эта состоит в том, что отделенные друг от друга тремя десятками лет, принадлежащие перу еще начинающего и уже маститого историка, работы охватывают примерно один и тот же период истории, описывают близкий перечень научных предприятий, очерчивают схожий круг лиц, принимавших в них

¹ Датируемый нами 1933 или 1934 годом, машинописный ее экземпляр сохранился в фонде Восточно-Сибирского книжного издательства [1], дав название якобы опубликованному сборнику статей, что не соответствует действительности. Можно предположить, что статья предназначалась для сборника «Иркутск как культурно-хозяйственный центр», подготовку которого к изданию в самом начале 1930-х гг. осуществлял Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества, а впоследствии его преемник – Восточно-Сибирское географическое общество [2, л. 120]. Н.Н. Козьмин как председатель последнего был и руководителем авторского коллектива, включавшего М.К. Азадовского, К.Н. Миротворцева, А.Н. Турунова, Н.Ф. Насимовича (Чужака), Н.С. Романова и др. Однако, состав участников и тематика статей буквально на глазах претерпевали кардинальные изменения. Становление нового «советского краеведения» сопровождалось искоренением из науки о крае гуманитарного знания. Курс был взят на «производственное» краеведение, о чем недвусмысленно было заявлено в объяснительной записке к издательскому проекту, свидетельствует содержание отложившегося в архиве варианта сборника, да и статья самого Козьмина, акцентирующая внимание на прошлом преимущественно тех отраслей знания, что «связанны с запросами текущей жизни». Но даже в виде, откликающемся на «нужды пятилетки», сборник опубликован не был.

участие (включая степень подробности, с которой это делается). Схожесть работ усиливает – делая интересным и поучительным их сравнение – историко-научный подход, которому Н.Н. Козьмин не изменил и тридцать лет спустя и который он, думается не совсем удачно, называет написанием «внутренней» истории: «...истории тех путей, которыми шло изучение, истории средств и способов развития знаний о Сибири и сопредельных с нею странах» [3, с. 1].

История «скрытой и черновой», незаметной «для глаз общества» работы, противопоставлялась им истории «постепенного накопления научных сведений о неизвестных областях» [3, с. 1], которой историки традиционно отдавали предпочтение. Для обозначения обнаруженной сибирским историком противоположности куда лучше, однако, подходит антонимическая пара «исследование – наука» и, соответственно, «история исследований – история науки». Как точно подметил Бруно Латур в посвященном этой паре эссе, «наука – это определенность; исследование – неопределенность. Предполагается, что наука холодная, строгая и беспристрастная; исследование же – теплое, увлекательное и рискованное. Наука кладет конец спорам; исследование – вызывает их. Наука производит объективность, избегая по возможности пут идеологии, страстей и эмоций; исследование – питается всеми ими, делая объекты исследования узнаваемыми» [14].

Б. Латур обращает наше внимание и на тот факт, что переход от культуры «науки» к культуре «исследования» обозначил переход не только к современности, но и к принципиально иной модели отношений науки и общества. В традиционной модели, полагает французский философ науки, общество похоже на «мякоть персика, а наука на его твердую косточку». Наука в полном смысле слова окружена обществом, которое может отклонить или принять научные результаты; может быть враждебным или дружественным к их практическим воплощениям. Однако не существует «никакой прямой связи между научными результатами и большим социальным контекстом, который в состоянии не более чем замедлить или ускорить прогресс автономной науки. «Новый курс» – на пути к культуре «исследований» – ведет к появлению множественности каналов и способов связи науки и общества: «Где наука? Где общество? Теперь они перемешались до такой степени, что их больше нельзя разделить друг от друга» [14].

Доклад Н.Н. Козьмина тем, на наш взгляд, и интересен (а год написания – 1901 – символичен), что, уделяя значительное внимание отношениям науки с окружающим ее социальным контекстом, иллюстрирует смену этих моделей на местном историко-научном материале второй половины XIX века. На начальном этапе своей истории Восточно-Сибирский отдел ИРГО, появившийся в регионе «...с правами на широкое научное изучение Сибири, со знаменем объединения научной работы и научных работников и с материальными и нравственными средствами для выполнения этой задачи», выступает, по словам историка, «деятельным и просвещенным сотрудником высшей администрации Восточной Сибири». Позиционируя себя – и, прежде всего, вследствие преобладания среди членов «просвещенных» деятелей администрации, «летучей интеллигенции» (Н.М. Ядринцев) – в качестве «ученого комитета», «научного бюро» при Глав-

ном управлении Восточной Сибири, Отдел в своих связях «с общественной средой и отдельными личностями» делал ставку на последние [3, с. 5-6, 22]. Ставку на связи с «друзьями науки», будь то местные «исследователи-любители», краеведы или «купцы-меценаты».

Связь деятельности Отдела с «общественной средой» в этот период была не просто спорадической: «те запросы жизни, которым навстречу шел Отдел..., часто были не органическими потребностями страны (т.е. Сибири. – Д.М.) и местного населения, а интересами отдельных лиц или групп, иногда даже были откликом развивавшегося в России “грюндерства”. И отзываясь на них, Отдел преследовал параллельно свои научные цели» [3, с. 22]. Следующий, с этой точки зрения, этап жизни отдела не только укрепил, сделав регулярными, эти связи. Поменялся и их вектор, направленный отныне от «общественной среды» в сторону научного общества, деятельность которого все больше и больше определяется жизненными запросами местного сообщества. Таковыми становятся «...потребности местного народного хозяйства, вопросы культурного развития страны, которые сами по себе составляют предмет научного знания, входят в задачи научной мысли» [3, с. 22].

Более широко понимаемые «потребности страны», интересы общества, начинают, как специально подчеркивает Н.Н. Козьмин, подчинять себе и регулировать научную деятельность Отдела, ключевую роль в которой начинают играть «туземцы», представители сибирской интеллигенции. В свою очередь, более широким, отвечающим общим интересам, становится и «базис приложения научных выводов и методов к жизни»: ВСОИРГО превращается из «ученого комитета» сибирской администрации в «орган научной мысли все более и более широких слоев населения» [3, с. 24]. Как отрадное («симпатичное», «трогательное») явление историк отмечает факт вовлеченности в научные предприятия отдела куда более, нежели прежде, круга лиц, желающих оказать посильное им содействие, присылкой ли своих наблюдений, геологических, археологических или этнографических находок и целых коллекций, или скромными денежными пожертвованиями. «Образованные люди, – пишет Козьмин, – знакомятся с научными методами исследования и, узнавая то направление, в котором ведется научная работа, становятся все более и более членами регулярной научной армии, а не случайными добровольцами» [3, с. 27].

Несмотря, однако, на обозначившиеся перемены в отношениях между обществом и наукой, твердой оболочке «ядра» персика – если прибегнуть к метафоре Б. Латура – к началу XX столетия суждено было лишь покрыться трещинами, но не разрушиться под их воздействием. И историк сибирской науки со всей определенностью дает это понять в конце своего доклада, когда, возлагая надежду «на грядущее торжество науки и осмысленных начал жизни», говорит о непреходящем в обществе «культе научного знания». На взгляд Н.Н. Козьмина, «наука не должна быть работою преходящих интересов дня и изменчивых настроений. Не всегда может она отвечать на вопросы жизни, – и много ответов у нее приготовлено не для настоящего». Даже став «отзывчивой и чуткой», она всего лишь «прислушивается к биению жизни» [3, с. 43], но не творится ею.

Своеобразным «мостиком», связывающим рассмотренную публикацию с работой 1930-х годов, может послужить один из заключительных абзацев первой, при помощи которого автор наносит последний штрих на создаваемую картину отношений местных науки и общества. Штрих, призванный всего лишь свидетельствовать о «прочности симпатий широких слоев местного населения к нашему ученому Обществу». Речь идет об оказании последнему материальной помощи. И, хотя Н.Н. Козьмин оговаривается, что среди меценатов было немало и не «просвещенных капиталистов», именно представители иркутских купеческих династий – П.А. Сиверс, И.М. Сибиряков, В.П. Сукачев, М.В. Пихтин, А.И. Громова и др. – выступали крупнейшими «жертвователями» Отдела [3, с. 43]. Историк предпочитает именовать их «друзьями науки», ставя в один ряд с краеведами и подчеркивая тем самым личностный, персональный, а, стало быть, весьма избирательный и неустойчивый канал связи науки с местным сообществом.

Взгляды Козьмина на связь науки с окружающей ее социальной средой кардинально меняются, в начавшийся на исходе 1920-х – в начале 1930-х годов период перевода им «истории на марксистские рельсы», неподдельного интереса к «марксистскому методологическому устою», которым руководствуется в своих конкретно-исторических исследованиях. Признавая, что марксистская методология хотя и «грубовато», но эффективно решает сложные исторические задачи [11, с. 270], Н.Н. Козьмин не столько помещает в своей работе «Роль Иркутска в научных исследованиях Сибири» местные научные практики в определенный социально-экономический контекст, сколько создает историю этого контекста. Вновь, как и тридцать лет назад, различая два подхода к изучению истории науки, он нацеливает второй из них – «историю научных исследований» – на поиск «ценных материалов» по «истории нашего хозяйственного и культурного развития, для истории развития здесь (в Сибири. – Д.М.) капиталистических и докапиталистических отношений» [5, с. 112].

В рамках подобной постановки задачи и создаваемой ученым фактически «экономической истории исследований» границы между обществом и наукой стираются, последняя творится контекстом. Периоды в истории исследований выделяются в соответствии с общественными трансформациями: на смену господству феодально-крепостнического государства и торгового капитала приходит период «бурного развития и расцвета промышленного капитализма и последней его империалистической стадии», сменяемый эпохой «ликвидации капиталистических отношений и построения социалистического и бесклассового общества» [5, с. 112]. Мелькающие на страницах статьи фамилии местных «купцов-меценатов» это уже не имена «друзей науки», а персонификация торгового, ростовщического или промышленного капитала, который как совокупность определенных социально-экономических отношений «оказывает... влияние на направление научных исследований», стремясь «при помощи ученого устроить дело (бизнес. – Д.М.) попроще и подешевле» или привлекая «академиков» к участию «непосредственно в промышленности и торговле» [5, с. 113].

Крайне интересны перемены, происходившие в научных исследованиях по мере перехода от одного исторического их (равно – социально-экономического

контекста) периода к другому. «Новые задачи, которые ставились развитием промышленного капитализма, новая классовая группировка, – пишет Н.Н. Козьмин, – вели к изменению методов исследования» [5, с. 114]. История местных научных практик предстает в работе как череда сменяющих друг друга коллективных и индивидуальных научных «предприятий». И это не только дань времени написания работы, стремления автора акцентировать внимание читателей на преимуществах коллективной организации научной работы в послеоктябрьский период. Коллективный характер научных исследований не столько завоевание «социалистического, бесклассового общества», о чем упоминает в своей статье ученый, сколько основная черта в развитии науки в XX столетии.

На первом этапе истории науки в Сибири исследования проводились усилиями «одинок-краеведов», а «коллективная работа делалась Академией наук, учреждением государственным, работающим при посредстве штатных кадров научных специалистов. Научная общественность вовлекалась лишь постольку, поскольку академики и командируемые академией лица привлекали к работе и использовали местные научные силы» [5, с. 115]. Символом перемен, связанных с выходом на авансцену капитала промышленного, стало создание в Иркутске сначала Сибирского, а затем и Восточно-Сибирского отдела ИРГО, с первых своих шагов сделавшего ставку на привлечение «туземных» научных сил и организацию экспедиционных – коллективных – исследований. Средства, на которые, подчеркивает Н.Н. Козьмин, «даются уже не правительством, а представителями промышленности» [5, с. 115].

Уже первое десятилетие XX века, вступавшего в свои права в вихре войн и революций, можно с полным на то основанием охарактеризовать понятием «коллективного эксперимента» Б. Латура [14], использованным философом науки для обозначения перемен в отношениях науки и общества. И перемены эти не ускользают от внимательного взора сибирского историка. Козьмин пишет в своей статье и об участии в научных исследованиях представителей политической ссылки и политических организаций, и о выходе научной работы за ставшие узкими рамки научных организаций, с одновременным ростом числа и разнообразия последних, и об активизации промышленных кругов в деле организации исследований... А впереди был и 1917 год, положивший начало не только небывалому социально-экономическому, но и «коллективному эксперименту» по «онаучиванию масс» – массовому краеведческому движению. Его деятельным участником станет и Николай Николаевич Козьмин. Однако осмыслить его ход и результаты как историку науки судьба возможности уже не предоставит.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф.р-1406. – Оп. 3. – Д. 334. – Л. 1-23.
2. ГАИО. – Ф.р-565. – Оп. 2. – Д. 32.
3. Козьмин Н.Н. Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества / Н.Н. Козьмин //

Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. рус. геогр. о-ва. – Иркутск : Тип.-лит. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1908. – Т. 35, № 2 : 1904 год. – С. 1-43.

4. Козьмин Н.Н. Исторический очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества за пятьдесят лет : речь на торжественном общем собрании членов отдела / Н.Н. Козьмин. – Иркутск : Тип.-лит. П.И. Макушина и В. М. Посохина, 1905. – 43 с. – (Извлечено из «Известий ВСОИРГО». 1904. Т. 35, № 2).

5. Козьмин Н.Н. Роль Иркутска в научных исследованиях Сибири / Н.Н. Козьмин ; публ. Д.Я. Майдачевского ; прим. Д.Я. Майдачевского, А.Н. Гаращенко // Земля Иркутская. – 2006. – № 3. – С. 111-120.

6. Кузьмин Ю. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / Ю.В. Кузьмин, В. В. Свинин ; под науч. ред. проф. А.П. Суходолова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 119-138.

7. Кузьмин Ю.В. Историографические исследования профессора Н.Н. Козьмина / Ю.В. Кузьмин // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2016. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. – С. 512–517.

8. Кузьмин Ю.В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк, экономист и общественный деятель (1872-1938) / Ю.В. Кузьмин, В.В. Свинин // Первые востоковедные чтения ИГЭА: к 130-летию со дня рождения Н.Н. Козьмина : матер. науч. конф., 22 марта 2002 г. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2002. – С. 4–13.

9. Курышов А. М. Николай Николаевич Козьмин: романтик от истории / А.М. Курышов // Историко-экономические исследования. – 2013. – Т. 14, № 1–2. – С. 109-117.

10. Майдачевский Д.Я. «Монографическая» история сибирской промышленности Н.Н. Козьмина / Д.Я. Майдачевский // Историко-экономические исследования. – 2015. – Т. 16, № 4. – С. 765–776.

11. Н.Н. Козьмин – Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Т. 1 : Горький и Сибирь. Забытое и найденное. Письма ученых-сибиреведов и писателей М.К. Азадовскому. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1969. – С. 264–272.

12. Решетов А.Н. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности / А.Н. Решетов // Репрессированные этнографы / сост. и ред. Д.Д. Тумаркин. – М. : Изд. фирма «Вост. лит.», 1999. – Вып. 1. – С. 81–100.

13. Тагаров Ж.З. О взглядах Н.Н. Козьмина на монгольский феномен XIII века / Ж.З. Тагаров // Первые востоковедные чтения ИГЭА: к 130-летию со дня рождения Н.Н. Козьмина : матер. науч. конф., 22 марта 2002 г. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2002. – С. 105–110.

14. Latour B. From the World of Science to the World of Research? [Electronic recourse] / B. Latour // Science. – 1998. – Vol. 280, issue 5361. – P. 208–209. – Access mode : <http://science.sciencemag.org/content/280/5361/208.full>.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович – кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Dmitry Yaroslavovich Maidachevsky – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Chair of the History and International Relations, Baikal State University, 11, Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: maid1960@mail.ru.